

«Утверждаю»
Проректор-начальник Управления
научной политики и организации
научных исследований
Московского государственного университета

имени М.В.Ломоносова,

доктор физико-математических наук,

профессор А.А.Федянин

А.А. Федянин
А.А. Федянин

2019 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» на диссертацию К.Г. Савина «Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

1. **Актуальность избранной темы исследования** обусловлена произошедшей в 2013 г. реформой российского законодательства об исковой давности, в ходе которой многие элементы этого правового института претерпели радикальные изменения. Кроме того, важное значение для правоприменительной практики имеет принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», к положениям которого диссертант активно обращается по тексту своего исследования. Тематика исковой давности в последнее время также неоднократно становилась предметом внимания Конституционного Суда РФ – прежде всего, с точки зрения действия во времени новых законодательных норм, меняющих сроки исковой давности и порядок их исчисления (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П, которым были признаны неконституционными некоторые переходные положения Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ). Все эти изменения требуют надлежащего научного осмысления.

2. **Основные выводы и рекомендации**, сформулированные в диссертации, являются **обоснованными и достоверными**. Важным достоинством диссертационного

исследования является широкое использование автором иностранного законодательства, судебной практики и литературы, которую автор изучал в первоисточнике. Автор вводит в отечественную науку целый пласт новейших иностранных исследований по вопросам исковой давности. Эта солидная база исследования помогает автору сформулировать основные выводы и рекомендации, которые следует признать обоснованными и достоверными.

Особенно следует отметить формулируемый автором вывод о том, что сфера действия института исковой давности (которую более точно было бы называть «давностью принудительного осуществления прав и требований» - см. с.22 диссертации) не замыкается только рассмотрением исковых требований в суде (см., в том числе, первое и восьмое положения, выносимые на защиту). Вопросы задавнивания требований зачастую возникают и во внесудебном порядке – например, при осуществлении кредитором односторонних действий, направленных на осуществление своего права, совершении отдельных нотариальных действий.

3. Новизна диссертационного исследования проявляется в том, что в нем с помощью метода сравнительного правоведения построена целостная концепция понимания ключевых категорий института исковой давности путем сопоставления новейших подходов отечественного и иностранного права. Несмотря на то, что некоторые сравнительно-правовые исследования института исковой давности проводились в советской доктрине гражданского права, следует признать, что это не умаляет новизны рассматриваемого диссертационного исследования, поскольку именно в последние 20-30 лет данный институт претерпел радикальное переосмысление во многих развитых иностранных юрисдикциях (в частности, в рамках реформы гражданского законодательства в Германии и Франции, в текстах актов унификации частного права).

Выбранная структура работы позволяет реализовать те цели и задачи исследования, которые были намечены автором. В первой главе он анализирует происхождение, понятие и основные цели исковой давности. Вторая глава посвящена вопросам начала течения исковой давности и, в том числе, одному из наиболее сложных вопросов о соотношении субъективного и объективного сроков исковой давности. Третья глава освещает вопросы приостановления исковой давности, четвертая глава – перерыва и восстановления исковой давности, а также допустимости изменения сроков исковой давности соглашением сторон. Заключительная глава ориентирована на вопросы применения исковой давности в судебном и внесудебном порядке.

4. **Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций.** С большинством положений, выносимых автором на защиту, следует согласиться, отметив их новизну и подробную проработку в тексте диссертации.

Особо можно отметить вывод автора об основных тенденциях развития правил об исковой давности в современном зарубежном праве, которые являются весьма полезными для определения состояния отечественного правового регулирования – положение 2.

Заслуживает внимания вывод автора о том, что российское регулирование вопросов исковой давности является более продебиторским («продолжниковским») в сравнении с зарубежным правом и актами унификации частного права – например, с точки зрения более узкого круга оснований для приостановления исковой давности, более строгих требований к перерыву исковой давности путем признания долга и т.д. – положение 5.

Следует поддержать выводы автора о том, что именно оптимальное сочетание двухуровневых сроков (субъективного и объективного сроков) позволяет обеспечить наиболее адекватный баланс интересов должника, кредитора и третьих лиц – положение 6.

Выше уже была отмечена важность выводов автора относительно случаев обращения к институту исковой давности во внесудебном порядке – положение 8.

Наконец, следует отметить глубокую проработку в диссертации тех вопросов, которые ранее не становились предметом детального анализа в отечественной доктрине. Речь идет, прежде всего, о влиянии производства по уголовному делу на течение исковой давности, а также о приостановлении исковой давности при недееспособности кредитора, не имеющего опекуна, и при отсутствии представителя у наследственной массы.

5. Вместе с тем, **некоторые выводы диссертанта представляются достаточно спорными и дискуссионными.**

Во-первых, в некоторых случаях возникает вопрос о том, насколько методологически корректно говорить о неких единых тенденциях развития правил об исковой давности применительно к любым иностранным государствам и актам унификации частного права (см., например, длинный перечень таких «единых» тенденций во втором положении, выносимом на защиту). В действительности, можно наблюдать различные подходы к возможности приостановления или перерыва объективного давностного срока, различные основания для приостановления срока исковой давности – даже если речь идет о таких, казалось бы близких по своей правовой природе документах, как Принципы УНИДРУА о международных коммерческих договорах (PICC) и Принципы европейского договорного права (PECL).

Во-вторых, не всегда можно согласиться с автором по перечню ключевых расхождений между российским и иностранным правом (четвертое положение, выносимое на защиту). Например, автор утверждает, что за рубежом общий срок (субъективной) исковой давности, как правило, длиннее (пп.б) положения 4). Однако это противоречит сделанному автором во втором положении выводу о том, что одной из тенденций развития иностранного права последних лет является существенное сокращение общего срока давности по большинству требований – как правило, до трех лет, то есть до того общего срока, который применяется в российском гражданском праве. Аналогичным образом, некорректно утверждение о том, что «в российском праве исковая давность применяется только судом» (пп.г) положения 4). Об обратном говорит, например, появившаяся в ходе реформы 2013 г. норма п.3 ст.199 ГК РФ о запрете односторонних действий, направленных на осуществление управомоченным лицом своих давненных требований – сам автор затем анализирует эту норму по тексту работы.

В-третьих, определенные нарекания вызывают формулируемые автором предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере исковой давности (с.10-11 диссертации). В частности, второе предложение содержит заслуживающую внимания и поддержки идею о допустимости изменения продолжительности субъективного срока исковой давности по соглашению сторон. Однако при этом автор никак не поясняет, допустимо ли на основании соглашения сторон изменять объективный десятилетний срок давности. Сомнения также вызывают пятое и одиннадцатое предложения, о чем подробно будет сказано ниже.

В-четвертых, весьма спорным представляется мнение автора о том, что нормы гражданского законодательства об исковой давности не распространяются на гражданский иск в уголовном деле, а в случае, когда потерпевший не предъявил гражданский иск в уголовном деле, исковая давность должна начинаться течь лишь со дня вступления в законную силу приговора суда по уголовному делу (одиннадцатое предложение по усовершенствованию законодательства и с.40-46 работы). Представляется, что гражданский иск в уголовном деле – это не более чем особая процессуальная форма защиты того же нарушенного субъективного гражданского права, а потому было бы необоснованным полностью устранять применение гражданско-правовых норм об исковой давности. Что же касается доводов автора о том, что в отсутствие приговора уголовного суда у истца может не быть доступа к доказательствам фактов неправомерных действий ответчика, то этот вопрос может решаться другими процессуальными средствами (например, путем приостановления производства по

гражданскому делу до момента вынесения приговора). В российских реалиях имеется угроза того, что предложения автора приведут к тому, что уголовное преследование будет осуществляться именно в целях принудительного осуществления давно задавленных требований.

В-пятых, есть сомнения в обоснованности предлагаемой автором новой категории «удлинения» давностного срока на период проведения переговоров сторон о мирном урегулировании спора и три месяца после их завершения (пятое предложение по усовершенствованию законодательства и с.121-122 работы). Данный подход не получил поддержки в ряде иностранных государств по причине того, что на практике будет весьма проблематичным достоверно установить момент начала и окончания досудебных переговоров сторон. В результате возражение об истечении исковой давности, рассмотрение которого обычно не должно предполагать глубокого погружения суда в фактические обстоятельства спора, рискует каждый раз вызывать необходимость досконального изучения судом всей переписки и других коммуникаций сторон.

В-шестых, вряд ли можно поддержать автора, когда он вместо сложившихся и закрепленных в законе терминов использует по тексту работу иные выражения. Например, речь идет о категории приостановления исковой давности, зафиксированной в ст.202 ГК РФ. По неизвестным причинам автор использует выражение «приостановка исковой давности» (см., например, название главы 3).

Указанные критические замечания носят дискуссионный характер и не снижают общей научной ценности диссертационной работы, не влияют на положительное ее восприятие, на главные теоретические и практические результаты и выводы.

Диссертация является полноценным научно-исследовательским трудом, отражающим все этапы исследования, выполненным автором самостоятельно на высоком научном уровне. Автор успешно решил поставленные задачи и достиг заявленной цели диссертационного исследования. Полученные автором результаты не вызывают сомнений в достоверности, а сформулированные автором выводы и рекомендации обладают несомненной научной ценностью, отличаются новизной и имеют большое теоретическое и практическое значение.

Основные научные выводы, предложения и рекомендации, сформулированные в диссертационном исследовании К.Г. Савина, отражены в научных публикациях автора. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Диссертация К.Г. Савина соответствует критериям, установленным в пункте 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней (утв. Постановлением

Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842). Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых представляет собой решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

С учетом вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что К.Г. Савин достоин присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Отзыв подготовлен профессором А.В. Асосковым, обсужден и утвержден на заседании кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 21 ноября 2019 года, протокол № 95.

Профессор кафедры гражданского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

А.В. Асосков

Заведующий кафедрой гражданского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

Е.А. Суханов

Заместитель декана
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

Н.В. Козлова

Секретарь заседания кафедры

О.А. Лисицына

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Почтовый адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д.1.

Тел.: +7(495)939-10-00; E-mail: info@rector.msu.ru; Web-сайт: www.msu.ru